

Является ли ислам вызовом для легитимности правительства Узбекистана?

Аналитическая записка № 419
PONARS Eurasia
Март 2016

Себастьян Пейруз¹
Университет Джорджа Вашингтона

Более 20 лет в Узбекистане нет реальных политических перемен, и он остается одним из наиболее авторитарных государств мира. Каким образом президент Ислам Каримов удерживает бразды правления столь долго? Хотя он применял насилие для подавления угроз своему режиму, долговечность его правления нельзя объяснить только использованием силы.

Авторитарные режимы располагают множеством средств для того, чтобы удержаться у власти и сохранить легитимность. В Узбекистане, так же как в большинстве постсоветских государств сегодня, легитимность основана на способности главы государства гарантировать экономическое развитие страны и предоставить определенный уровень социального обеспечения. Одной из главных потерь при таком соглашении является политический плюрализм. С первых лет независимости Узбекистана его руководство подавляет все политические альтернативы и свободу мнений.

Особенно сильной атаке подверглась религия. Религиозные организации потенциально способны соперничать с правительственными нарративами, выдвигая политические альтернативы или предлагая альтернативные (и более эффективные) социальные и экономические группы поддержки. Особенно опасным для режима стало формирование экономических группировок, действующих под религиозным флагом (как движение «Акрамия», подавление которого привело к трагическим событиям в Андижане в 2005 году).

Контроль над религией – часть более широкой авторитарной тенденции препятствовать всем социальным структурам, которые ставят под вопрос легитимность режима. Авторитарные режимы часто отвечают на рост общественного недовольства [построением легитимности](#) на двух основополагающих принципах. Во-первых, они объявляют себя защитниками населения, которому, как они утверждают, угрожает вредное влияние, как, например, религиозный экстремизм, что может подорвать социальный рост. Во-вторых, они провозглашают себя

---

¹ [Себастьян Пейруз](#) – профессор-исследователь по международным делам в Университете Джорджа Вашингтона.

² Несколько ученых писали по этой теме; см., например: John Heathershaw and David Montgomery, “[The](#)

единственным институтом, способным продвинуть политическое, экономическое и социальное развитие страны. В случае Узбекистана эти два оплота легитимности очевидны в постоянных заклинаниях Каримова о «террористической угрозе» и в стремлении режима задушить любое религиозное движение, которое могло бы намеренно или нет подорвать официальную политику.

Заклинания об экстремизме для сохранения власти

С момента развала Советского Союза президент Каримов уверяет народ, что стабильность в Узбекистане находится постоянно под угрозой извне, и играет патерналистскую роль защитника нации. Правительство претендует на то, чтобы, содействуя религиозной свободе, в то же время защищать население от любого фундаменталистского и экстремистского отклонения. Оно определило «хороший», «традиционный» ислам в противовес консервативному и антигосударственному исламу, который оно рассматривает как повсеместную угрозу, видит в нем последовательную склонность к насилию и стремление к поддержке исламского халифата.

Официальный правительственный дискурс часто использует негативные термины о нежелательном варианте ислама, называя его «политическим исламом», «экстремизмом», «исламизмом», «салафизмом», «радикализмом», «ваххабизмом» и «джихадизмом». В большинстве случаев эти определения взаимозаменяемы и в основном происходят из терминологии, в равной степени советской и западной, смешивающей иностранную и экстремистскую опасности: мы/они, умеренные/экстремисты, мирное/насильственное, демократы/тоталитаристы. Правительственный дискурс об опасности исламского экстремизма подпитывается реальными терактами, как иностранными, так и внутренними (такими, как ташкентские взрывы в 2004 году и другие подобные инциденты в более широко взятом регионе, включая те, что якобы были организованы Исламским движением Узбекистана).

Узбекское правительство регулярно выступает с двумя утверждениями о связи между религией, экстремизмом и терроризмом, что так или иначе нашло отражение в его управлении религиозной сферой.²

1. Все открыто соблюдающие требования веры мусульмане – как во внешнем виде (чадры и длинные бороды), так и в действиях (ежедневная молитва, частое посещение мечети) – считаются предрасположенными к радикализации.

Многие опросы, официальные и неофициальные, свидетельствуют об осязаемом, хотя небольшом, росте в соблюдении религиозных практик среди населения Узбекистана. Ответ правительства на растущий интерес населения к исламу (особенно среди молодежи) заключается в применении чрезмерного репрессивного контроля над верующими более, чем в вовлечении их в диалог и образовательные программы, посвященные экстремизму. Растущее число людей, в основном тех, кто проявляет явные признаки религиозности, становятся объектами притеснений или приговариваются к тюремному заключению.

Однако утверждение правительства, что глубоко верующие более склонны к поддержке экстремизма, **оспорено** большинством социологов региона. Напротив, систематичность в подавлении религии приводит отдельных индивидов и группы в подполье для сохранения их

---

² Несколько ученых писали по этой теме; см., например: John Heathershaw and David Montgomery, “[The Myth of Post-Soviet Muslim Radicalization in the Central Asian Republics](#),” Chatham House (November 2014).

веры и практик. Это также приводит к растущему недовольству против правительства из-за того, что оно не позволяет гражданам пользоваться свободой религии.

Правительство опасается, что любой социальный или экономический кризис может подтолкнуть население к более экстремистским формам религии. Хотя в Узбекистане не может быть проведено никакого по-настоящему независимого социологического опроса, неформальные полевые исследования имеют тенденцию демонстрировать, что народное недовольство растет с 2000-х из-за экономических и социальных проблем, таких как бедность, коррупция и безработица, с которыми Каримов не способен удовлетворительно справляться. Тем не менее невозможно установить связь между ростом негативного отношения к властям и ростом соблюдения религиозных обрядов. Согласно [исследованию](#) Джона Хезершо и Дэвида Монтгомери, только шесть процентов проинтервьюированных заявили о необходимости больше следовать религиозным обрядам во время кризисов. Среди тех, кто утверждали, что их религия серьезно влияет на их поведение, 30 процентов никогда не молились или делали это только в особых случаях.

Вопреки обвинениям в экстремизме, направленным на них, подавляющее большинство верующих и религиозных групп, вынужденных уйти в подполье, не выступают за насильственные действия против узбекского правительства. Возможно, однако, что маргинализация может сделать их более восприимчивыми к экстремистской идеологии. В этом случае правительственная политика имела бы результат противоположный тому, на который она рассчитывает. Более того, вынужденно нелегальный характер деятельности этих групп предоставляет самоочевидное основание для правительственной пропаганды в оправдании репрессивной политики, прикрываясь провозглашенным долгом бороться с феноменом религиозной радикализации.

2. Политический ислам систематически проявляет насилие, анти-государственность и анти-демократичность.

Узбекское правительство отказывается разрешить учреждение религиозных партий или участие каких бы то ни было религиозных деятелей во внутренней политике. Оно утверждает, что политический ислам систематически проявляет анти-демократичность и враждебен фундаментальным принципам свободы, которые призвана защищать светская власть. Хотя власти заявляют, что светские правительства защищают свободу, тогда как исламские режимы нет, в каких-то отношениях узбекский режим более авторитарен, чем некоторые исламские режимы (например, в Иране и Пакистане). Бессодержательность узбекских газет, в которых не допускается никакая критика, и крайне ограниченное число местных изданий, которые в основном ограничиваются произведениями правительственной пропаганды, резко контрастируют с дискуссиями в иранской прессе, в которых, несмотря на строгую цензуру, все же может появляться критика.

Кроме того, нет никаких свидетельств того, что основная масса населения поддержит экстремистские группы, обеспечивающие социальную поддержку, или что мирные религиозные группы, вовлеченные в гражданскую деятельность, выступают против демократических ценностей. В то время как есть несомненная опасность, исходящая от групп, склонных к насилию, таких как Исламское движение Узбекистана, равно как и от сотен узбеков, примкнувших к Исламскому государству, не очевидно, что эти группы могут привлечь много сторонников. Хотя некоторые из этих склонных к насилию движений могут предоставлять социальную помощь с целью получить поддержку местного населения, с ними

конкурируют ненасильственные, имеющие местные корни движения или исламские группы, которые не связаны с террористическими структурами. Но узбекское правительство преследует политические цели привязывая религиозно-политическую деятельность любого рода к насилию. Объявляя ненасильственные исламские группы антидемократическими и антигосударственными, оно использует понятия «фанатизм» и «преступность» для оправдания своих действий во имя национальной безопасности.

Государство вправе заявлять об опасности терроризма. Однако исламский терроризм в том виде, в каком его рисуют власти, это смесь стереотипов, которая создает инструмент для подавления оппозиции и подтверждает их право единственных защитников населения от радикализации и насилия. Порой это оборачивается неожиданными сближениями: например, некоторые свидетели Иеговы были обвинены в ваххабизме, тогда как некоторые протестанты были заклеены как исламские террористы.

Подавление религиозных и неправительственных групп

Помимо риторики о так называемой террористической угрозе, узбекские власти также укрепляют свою легитимность препятствуя появлению негосударственных политических, экономических и социальных акторов, которые могли бы выступить как противники исполнительной власти и в итоге делегитимизировать ее. Как писал Сеймур Липсет в книге «Политический человек: социальные основы политики», легитимность «включает в себя способность системы порождать и поддерживать веру в то, что существующие политические институты – наиболее подходящие для данного общества».

Это означает, что Каримов должен убеждать свой народ, что он единственный, кто способен обеспечить президентские функции и поддерживать общее благо. Правительство сохраняет легитимность посредством ограничения развития политической сознательности, которая может быть пробуждена и распространена негосударственными акторами – политическими, экологическими, социальными или религиозными. После обретения независимости властям все труднее сохранять эти виды деятельности, и возникший разрыв до определенной степени заполняется НГО и религиозными группами. Мечети и другие ассоциации и сообщества (такие, как суфийские братства) могут предоставить для социальной солидарности пространство, находящееся за пределами официальной государственной структуры.

Большинство этих организаций – как религиозных, так и секулярных – не являются частью какой бы то ни было оппозиции. Однако правительство рассматривает присутствие НГО – как иностранных, так и местных – в таких сферах, как здравоохранение и образование, как политическую конкуренцию, даже несмотря на то, что подавляющее большинство этих групп действуют с намерением сотрудничать с государством. Их считают подозрительными, потому что они способны вскрыть политические, социальные и экономические проблемы. Даже ненамеренно или окольным путем их деятельность может пролить свет на некомпетентность правительства в определенной области и в итоге подорвать его легитимность.

Примечательной к тому иллюстрацией служат трагические события в Андижане в мае 2005 года. На местном уровне движение «Акрамия» **выглядело** как религиозная благотворительная организация, способная распространять «нравственность в экономике» путем установления более высокой, чем у узбекского государства, минимальной заработной платы. Движение создавало рабочие места, способствовало местному экономическому развитию и предоставляло социальное обеспечение бедным. Испугавшись, что это могло выглядеть как нравственный образец в экономике, который резко контрастировал с ташкентской коррупцией и хищническим

бизнесом, режим обвинил «Акрамию» как террористическое движение, финансировавшееся иностранными структурами.

Чтобы предотвратить вероятность того, что подобные группы станут популярными, узбекское правительство ограничивает пространство деятельности и религиозных, и секулярных групп разными способами. Эти способы включают в себя применение ограничительного закона о религии, установление фактически непреодолимых административных барьеров для НГО, изгнание большинства иностранных организаций и воссоздание и развитие местной системы махалля (квартал) под руководством государства. Узбекские власти также контролируют учреждение религиозных групп через драконовские правила регистрационного процесса и они проверяют фактически все религиозные книги и материалы. Органы исполнительной власти, включая Министерство юстиции, налоговые ведомства и другие соответствующие правительственные органы, регулярно проводят инспекции НГО. В 2005 году правительство приказало провести перерегистрацию НГО, что привело к значительному уменьшению их числа. Хотя в 2014 году Каримов признал важность развития гражданского общества, нормативно-правовые акты и практика подорвали установленную им цель. Например, в июне 2015 года были приняты новые процедуры для НГО – для получения разрешений на проведение мероприятий и для большинства видов деятельности.

Заключение

Система регулирования деятельности религиозных групп со стороны узбекского правительства остается в значительной степени в рамках советской модели, в которой религия строго контролировалась. Это подрывает фундаментальный принцип разделения государства и религии, который предусмотрен конституцией Узбекистана. Вопреки озабоченности правительства тем, что религиозные организации будут играть более политическую роль, не похоже, чтобы с этой стороны была большая опасность, и большинство населения продолжает отдавать предпочтение секуляризму. Тем не менее узбекское правительство скорее всего продолжит укреплять свою легитимность посредством нагнетания страха нестабильности, исламского экстремизма и насильственной революции и предостережений об угрозе хаоса и распада государства. Приравнивая НГО – как религиозных, так и секулярных – к экстремистским организациям, Ислам Каримов продолжит укреплять власть и избегать значимых действий, обращенных на реальные экономические и социальные проблемы, с которыми сталкивается его страна.

**Elliott School of
International Affairs**

THE GEORGE WASHINGTON UNIVERSITY

PONARS ● NEW APPROACHES
E U R A S I A ● TO RESEARCH AND
● SECURITY IN EURASIA

© PONARS Eurasia 2012. Данный текст основан на аналитической записке на английском языке с тем же номером. ПОНАРС Евразия представляет собой международную сеть ученых, разрабатывающих новые подходы к изучению проблем внутренней и внешней политики, безопасности и сотрудничества в России и Евразии. ПОНАРС Евразия базируется в [Институте исследований Европы, России и Евразии \(IERES\)](#) Школы международных отношений им. Эллиотта Университета Джорджа Вашингтона. www.ponarseurasia.org